

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 930.1
ББК 63.0

Юрий Константинович Волков

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин, Россия, Арзамас, e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

Концепция «борьбы леса и степи» С.М. Соловьёва: «за» и «против»

Аннотация. На материале трудов представителей марксистского и евразийского направления рассматриваются аргументы «за» и «против» концепции «борьбы леса и степи» С.М. Соловьёва как важной составляющей части его историологической и философско-исторической доктрины. Показано, что основные аргументы против концепции С.М. Соловьёва связаны с теми трактовками исторических фактов, которые соотносятся с теоретическими положениями марксистской и евразийской парадигмы истории. К ним относятся: положение о классовом характере российского государства и государственного закрепощения населения; о подчинении хода национальной истории действию общих исторических закономерностей; о решающей роли географических и этнических факторов; о взаимном влиянии «леса» и «степи» на процесс формирования евразийской державности. Для определения баланса аргументов «за» и «против» концепции «борьбы леса и степи» предлагается использовать модель структурно-иерархической истории, где имеются стабильные и динамичные в пространственно-временном отношении уровни. Делается вывод о том, что геоисторический факт разделения восточно-европейской равнины на лесную и степную полосы, позволяющий теоретически обосновать предпосылки концепции «борьбы леса и степи», не вызывает возражений ни одного из ее критиков. Вместе с тем исторические факты, касающиеся понимания природы социальной целостности, в масштабе которой разворачивалась «борьба леса и степи», порождают их принципиально разные теоретические трактовки. Еще больше расхождений обнаруживается в вопросе о причинах изменений, определяющих историческую динамику. Как показывает реальный ход истории, в меняющемся и взаимосвязанном мире такими причинами действительно может стать глобальный конфликт культур.

Ключевые слова: концепция «борьбы леса и степи», философия истории, историология, российская историография, марксизм, евразийство, модель структурно-иерархической истории, геоистория, прогресс, исторические типы культур

Yuriy Konstantinovich Volkov

Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Advanced PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Law, Philosophy and Social Sciences, Russia, Arzamas, e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

S.M. Solovyov's Conception of the "Struggle between the Forest and the Steppe": "For" and "Against"

Abstract. Based on works by representatives of the Marxist and the Eurasian direction, the article considers arguments "for" and "against" S. M. Solovyov's conception of the "struggle between the forest and the steppe" as an important part of his historiological and philosophical-historical doctrine. This essay shows that the main arguments against Solovyov's conception are connected to the interpretations of historical facts corresponding to the theoretical positions of the Marxist and Eurasian paradigms of history. They include: the thesis about the class character of the Russian state and of the state enslavement of the population; that of the subordination of the course of a nation's history to the action of universal historical laws; that of the decisive role of geographical and ethnic factors; that of the mutual influence of the "forest" and the "steppe" on the formation of the Eurasian state. To determine the balance of arguments "for" and "against" the conception of the "struggle between the forest and the steppe," the author proposes to use the model of a structural and hierarchical history, where there are stable and dynamic levels in space and time. The essay concludes that the geohistorical fact of the division of the East European plain into forest and steppe belts, which makes it possible to theoretically explain the premises behind the conception of the "struggle between the forest and the steppe," raises no objections from any of the critics of such a struggle. At the same time, historical facts concerning the understanding of the nature of social integrity, on the level at which the struggle took place, lead to fundamentally different theoretical interpretations. Even more discrepancies are found concerning the causes of the changes that determine the historical dynamics. As the real course of history shows, in a changing and interconnected world, such causes can actually become a global conflict of cultures.

Key words: conception of the "struggle between the forest and the steppe", philosophy of history, historiology, Russian historiography, Marxism, Eurasianism, model of structural and hierarchical history, geohistory, progress, historical types of cultures

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.3.123-134

В 2020 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из самых известных представителей российской исторической школы XIX в. Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879). В силу особенностей профессиональных занятий С.М. Соловьёва его творческие достижения интересовали и продолжают интересовать в первую очередь тех исследователей, которые занимаются изучением конкретных проблем российской истории. Однако даже на этом традиционном для исторической науки исследовательском фоне обнаруживается некоторое число научных материалов, посвященных историко-теоретическим воззрениям С.М. Соловьёва¹. Значительно реже встречаются публикации, в которых анализируются философские основания исторической доктрины С.М. Соловьёва.

¹ См., напр.: Волкова И.В. «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьёва (из истории общественной мысли середины XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1984 [1]; Гуммерт Н.В. Госу-

Так, например, в одном из первых постсоветских философско-исторических исследований исторической концепции С.М. Соловьева отведено всего два небольших фрагмента². Гораздо более подробная характеристика философско-исторических взглядов С.М. Соловьева дана в курсе лекций по философии и методологии истории А.В. Малинова³. Несколько ранее сравнительной характеристике философско-исторических воззрений С.М. Соловьева и В.С. Соловьева была посвящена журнальная публикация Л.М. Максимовой и М.В. Максимова, в итоговом резюме которой отмечалась явная недостаточность исследований на эту тему⁴.

В продолжение сказанного можно констатировать, что за прошедшее время так и не появились масштабные научные исследования, посвященные историологическим и философско-историческим воззрениям С.М. Соловьева. Как можно предположить, одной из причин такого положения стала тенденция к снижению запроса на академические формы философско-исторических исследований⁵. Кроме того, определенную негативную роль здесь, наряду с отсутствием у С.М. Соловьева специальных трудов по философии истории, могли сыграть приписываемые ему либеральные воззрения.

В этой связи следует отметить, что в идейных основаниях философско-исторической доктрины С.М. Соловьева, на наш взгляд, больше, чем влияние либеральных идей, заметно влияние гегелевской диалектики и парадигмы географического детерминизма, оригинальной формой которого является концепция «борьбы леса и степи». Сравнительному анализу этой концепции в трудах ученых, представляющих два наиболее влиятельных направления отечественной истории XX века – марксизм и евразийство, и будет посвящено настоящее исследование.

Прежде чем начать разбор аргументов идейных оппонентов С.М. Соловьева, напомним основные положения его концепции «борьбы леса и степи».

дарство и внешняя политика, Россия и Германия в воззрениях С.М. Соловьева и Ф. Ратцеля: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004 [2]; Зейнетдинова Л.Н. Начальный период научной деятельности С.М. Соловьева (40–50-е гг. XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006 [3]; Кучурин В.В. Начало формирования научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3(37). С. 96–101 [4]; Соловьева М.А. С.М. Соловьев как историк русской исторической мысли: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1984 [5]; Сунцова Е.А., Правкин С.А. Концепция народного государства и примиряющего права С.М. Соловьева // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 14–19 [6].

² См.: Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999. С. 15, 269 [7].

³ См.: Малинов А.В. Философия и методология истории в России. СПб.: Интерсоцис, 2015 [8].

⁴ См.: Максимова Л.М., Максимов М.В. Сергей Михайлович и Владимир Сергеевич Соловьевы (К вопросу об идейных истоках историософии Вл. Соловьева) // Соловьёвские исследования. 2003. Вып. 1(6). С. 125 [9].

⁵ См.: Волков Ю.К. Философия истории в современной России: основные этапы, представители и направления // Философия и методология истории: сб. науч. ст. IV Всерос. науч. конф. / отв. ред. С.Г. Калашников. Коломна: МГОСГИ, 2011. С. 40–42 [10].

Согласно предложенной Соловьевым теоретической схеме, особенности исторического развития России были обусловлены особенностями географического разделения восточно-европейской равнины на лесную и степную полосы. Лесная полоса способствовала формированию земледелия и оседлого быта населявших ее народов. Степная полоса представляла собой зону распространения кочевого образа жизни и путей движения азиатских народов⁶. Таким образом, из трех главных условий, которые, как полагает Соловьев, определяли ход русской истории: большая равнинная территория, родовой быт племен и национальная самобытность государства – именно колонизация юга и его постоянная защита от степных варваров повлияли на особенности распространения российской государственности⁷.

Одним из первых представителей марксистской исторической школы в СССР, обратившихся к рассмотрению концепции «борьбы леса и степи», был М.Н. Покровский. В своей оценке теории С.М. Соловьева М.Н. Покровский, прежде всего, исходил из классово-идеологической позиции ее автора⁸. «Взгляды Соловьева, – пишет Покровский, – были взглядами историка-идеалиста, который смотрит на исторический процесс сверху, со стороны командующих классов, а не снизу, от классов угнетенных» [14, с. 185].

В то же время Покровский обстоятельно разбирает особенности теории «борьбы леса и степи», которую он относит к числу бессознательных уступок историческому материализму со стороны представителей школы Соловьева и ряда других историков⁹. Какие же аргументы против теории «борьбы леса и степи» выдвигает Покровский?

Главный недостаток теории «борьбы леса и степи» С.М. Соловьева состоит, по мнению Покровского, в том, что «она совершенно не соответствует исторической действительности»¹⁰. Подтверждением этому Покровский считает, в частности, тот факт, что наибольшее напряжение борьбы со степью приходится на XI–XIII вв., когда на Руси не существовало единого государства и не было закрепощения крестьян. Напротив, – в XVI – XVII вв., когда возникло единое Московское государство и крепостное право, татары, как пишет По-

⁶ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. / отв. ред. и авт. вступ. статьи д-р ист. наук Л.В. Черепнин. Кн. I. Т. 1–2. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 60–62 [11].

⁷ Там же. С. 270.

⁸ Через несколько лет после смерти М.Н. Покровского его историко-теоретические взгляды также будут подвергнуты идеологической критике (см.: Против исторической концепции М.Н. Покровского: сб. ст. / ред. Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1939 [12]; Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. / отв. ред. А. Сидоров. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1940 [13]).

⁹ См.: Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партиздат, 1933. С. 186 [14].

¹⁰ Там же. С. 187.

кровский, «уже настолько ослабели, что и мечтать не могли о завоевании Руси, а могли только ее грабить»¹¹.

Если же исходить из указанной схемы для объяснения того, что называется «закрепощением» дворянства, то, как считает Покровский, обязательность военной службы вассалов приходится на XV–XVI вв. В то время как настоящее, без кавычек закрепощение крестьянства в России приходится на XVII–XVIII вв., когда не было ни одного крупного татарского набега¹².

Наконец, еще один аргумент, который использует Покровский, чтобы показать искусственность теории «борьбы леса и степи», заключается в том, что самые свободные казачьи поселения были ближе всего к степи. Тогда как военная служба дворян и крепостное хозяйство двигались с северо-запада России¹³.

Общий вывод, который делает Покровский, состоит в следующем. Теория «борьбы леса и степи», несмотря на ее разлад с историческими фактами, нужна была буржуазным университетским историкам для того, чтобы доказать, что «государство в России не было созданием господствующих классов и орудием угнетения всей остальной народной массы, а представляло собой интересы всего народа, без различия классов» [14, с. 188].

С идеологически более умеренных позиций, учитывающих одновременно влияние на творчество С.М. Соловьева нескольких теоретических источников, разбирается его концепция русской истории в статье советского историка Н.Л. Рубинштейна¹⁴.

Традиционно отметив ограниченность буржуазного идеалистического миропонимания Соловьева, Рубинштейн вместе с тем посвящает свою публикацию передовым тенденциям научной методологии историка¹⁵. В числе главных влияний, определивших содержание научного мировоззрения Соловьева, Рубинштейн называет признание историком роли природно-географических факторов. В то же время, по словам Рубинштейна: «... для Соловьева природные условия никогда не бывают решающим фактором, они только тормозят или ускоряют темпы развития, и их влияние падает по мере развития человеческого общества» [16, с. 60].

Наряду с географическим фактором, Рубинштейн подробно разбирает понимание Соловьевым роли этнического начала в истории общества. Расширенная до масштабов всемирной истории картина европейского этногенеза, как считает Рубинштейн, и есть действительная картина этнической истории

¹¹ См.: Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 187.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Более подробно об историографических исследованиях Н.Л. Рубинштейна см.: Соломаха Е.Н. Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006 [15].

¹⁵ См.: Рубинштейн Н.Л. С.М. Соловьев и русская историческая наука // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 58 [16].

С.М. Соловьёва¹⁶. В то время как его позднейшая националистическая антитеза арийцев и азиатов есть «лишь условное, схематическое обозначение антагонизма и борьбы славянского мира со степными кочевниками»¹⁷.

Продолжением и развитием марксистского историографического подхода к творчеству С.М. Соловьёва как теоретика и философа истории является монография В.Е. Иллерицкого. В историческом мировоззрении Соловьёва Иллерицкий выделяет не только общие для всех народов естественные законы, но и «частные закономерности, зависящие от определенных объективных условий»¹⁸. Однако поскольку эти объективные условия, как считает Иллерицкий, не могли раскрыть внутреннего механизма развития России, а условий в ней для возникновения и борьбы классов Соловьёв не видел, его понимание российской истории отличается от истории западноевропейских народов¹⁹.

Заменой отвергнутых классовых противоречий у сторонника гегелевской диалектики Соловьёва стали, по словам Иллерицкого, «борьба старых и новых общественных отношений – родовых и государственных, “старых” и “новых” городов, борьба “леса со степью”, т.е. оседлых народов с кочевыми, борьба европейских начал цивилизации с отсталостью, невежеством, отжившими нравственным принципами и т.п.» [17, с. 65].

Разбирая далее трактовку Соловьёвым событий, которые были связаны с монголо-татарским завоеванием Руси, Иллерицкий указывает на их очевидную связь с общей тенденцией «борьбы леса со степью», которая началась «еще во времена Киевской Руси столкновениями с печенегами и половцами»²⁰. Отсюда Иллерицкий делает вывод о том, что «борьба леса и степи» в исторической концепции Соловьёва является продолжением его идеи о многовековой борьбе Европы с Азией. Как отмечает автор монографии, Соловьёв был убежден, что Россия в этой многовековой борьбе выступала «передовым форпостом Европы, давая ей тем самым возможность беспрепятственно, а потому ускоренно развиваться» [17, с. 113].

Переходя далее к оценкам концепции «борьбы леса со степью» в трудах евразийцев, отметим, что представители этого направления почти не обращались к самой теории С.М. Соловьёва. Их усилия были направлены на создание собственной оригинальной концепции отношений «леса» и «степи».

Как считает, например, П.Н. Савицкий, монголы, в отличие от русских, не были колонизаторами в собственном смысле этого слова. «Колонизаторами» степи были русские, и эта «колонизация» включала в себя три этапа: дотатарскую эпоху, когда русское население занимало значительную часть приднепровской «лесостепи»; татарскую, – когда «русская народность» «отсижива-

¹⁶ См.: Рубинштейн Н.Л. С.М. Соловьёв и русская историческая наука // Вопросы истории. С. 66.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьёв. М.: Наука, 1980. С. 61 [17].

¹⁹ Там же. С. 64–65.

²⁰ Там же. С. 113.

лась» в лесах; послетатарскую, – важнейшим историческим фактом которой стало распространение русской народности на всю евразийскую степь²¹.

Г.В. Вернадский в небольшой историографической статье, посвященной С.М. Соловьеву, также отмечает колонизаторскую роль русского народа. В этой связи Вернадский указывает на использование Соловьевым такого специфического понятия, как «жидкий элемент» русской истории, которое означает текучее состояние колонизации, в котором находился русский народ²².

Что же касается оценки концепции «борьбы леса и степи», то в этом вопросе Вернадский придерживался позиции, согласно которой Соловьев считал длительную борьбу русского народа с кочевыми народами Востока, вторгшимися из Азии в русские степи, частным случаем многовекового всемирно-исторического конфликта Европы с Азией²³.

Собственное понимание смысла концепции «борьбы леса и степи» Вернадский дает в других своих произведениях, посвященных месту русского народа в истории. Например, в обобщенном теоретическом виде это было сделано в «Начертаниях русской истории», где Вернадский соглашается с тем, что географической основой русской истории является «соотношение лесной и степной полосы, борьба леса и степи»²⁴.

Как резюмирует в этой связи Вернадский, «история распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа» [20, с. 11]. Обращаясь к понятию «борьбы леса и степи» как географической метафоры исторической борьбы народов востока и запада Евразии, Вернадский делит длительный процесс этой борьбы на следующие фазы, в которых участвовали русские.

Самым первым государственным образованием, в деятельности которого участвовали славяно-русы, Вернадский считает лесостепную (Киево-Черноморскую) империю Святослава. После ее распада Киевское княжество удерживает лесную полосу, но утрачивает степи, которые захватывают печенеги и половцы²⁵. В рамках нового исторического цикла воссоздания всеевразийской державы все лесостепное пространство Евразии в первой трети XIII века захватывает Монгольская империя Чингисхана и его преемников. Последующие фазы процесса «борьбы леса и степи» Вернадский связывает с русским

²¹ См.: Савицкий П.Н. Избранное / вступ. ст. Е.Л. Петренко; коммент. М.И. Иванов, Т.В. Иванова, А.Л. Петренко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 172 [18].

²² См.: Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С. 109 [19].

²³ Там же.

²⁴ См.: Вернадский Г.В. Начертания русской истории. М.: Алгоритм, 2014. С. 8 [20].

²⁵ Там же. С. 15–16.

освоением лесостепных пространств восточных областей Евразии, которое продолжилось и во время существования СССР²⁶.

Завершая евразийские интерпретации концепции «борьбы леса и степи», обратимся к ее трактовке в книге Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь». Как отмечает Гумилев, создавая свою концепцию борьбы «леса со степью», С.М. Соловьев считал, что «поток славянской колонизации шел по линии наименьшего сопротивления – на северо-восток, где Ростовская земля, населенная финнами, без сопротивления покорилась славянам, тогда как воинственные кочевники были для славянских земледельцев непреодолимой преградой» [21, с. 316]. Однако подобное толкование истории, как считает Гумилев, противоречит фактам, которые «были вне поля зрения С.М. Соловьева»²⁷.

К их числу Гумилев относит малоинтересные для историков факты, свидетельствующие о многочисленных походах русских князей на север. В то время как к столкновениям на юге, благодаря литературным реминисценциям событий, было обращено особое внимание историков²⁸.

Переходя далее к характеристике экономико-географических фактов, Гумилев пишет: «Вмещающим ландшафтом древних русичей были не столько лесные массивы, сколько лесостепи, ополья и речные долины» [21, с. 317]. В дополнение к этому, население Руси в XII в. практиковало переложное земледелие, требовавшее полукочевничества. Следовательно, как считает Гумилев, разница между «лесом» и «степью» была не так велика²⁹.

Общий вывод, к которому приходит Гумилев, состоит в том, что концепция извечного антагонизма Руси и Степи является не столько ошибочной, сколько осознанной позицией историков, которые рассматривали степные этносы Евразии как варваров, враждебных всякой культуре и европейской цивилизации³⁰.

Подводя итог рассмотрению аргументов «за» и «против» концепции «борьбы леса и степи» С.М. Соловьева, попробуем определить их общий баланс. С этой целью воспользуемся моделью структурно-иерархической истории Ф. Броделя. В этой модели первый, очень долгий пространственно-временной уровень истории предназначен для структурной характеристики геоистории. Второй, также весьма длительный уровень истории структурирует всю совокупность социальных отношений в масштабе той или иной цивилизации. И лишь третий – конъюнктурный уровень истории, где решающую роль играет

²⁶ См.: Вернадский Г.В. Начертания русской истории. С. 18.

²⁷ См.: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Товарищество Калашников, Комаров и К^о, 1992. С. 317 [21].

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 317.

³⁰ Там же. С. 320.

экономическая конъюнктура, обеспечивает динамику различных сторон общественной жизни³¹.

Исходя их предложенных уровней деления истории России, факт географического разделения восточно-европейской равнины на лесную и степную полосы, позволяющий геоисторически обосновать концепцию «борьбы леса и степи», не вызывает возражений ни одного из ее критиков. Однако уже факты, подтверждающие или опровергающие наличие общей упорядочивающей историю России социальной целостности, в масштабе которой разворачивалась «борьба леса и степи», порождали принципиально разные трактовки у представителей различных направлений.

У марксистских критиков концепции С.М. Соловьева все события истории России, включая антагонизм «леса» и «степи», трактуются как частная форма проявления общих законов всемирной истории. Их формационная специфика, обусловленная развитием феодализма и формированием единого государства, подчиняет все внутренние и внешние противоречия общества интересам господствующих классов. Евразийская критика рассматриваемой концепции исходит из доктрины истории России как части истории Евразии, где между «лесом» и «степью» существовали сложные и разнонаправленные отношения, подчиненные общим для всех евразийских народов геоэкономическим, геополитическим и геокультурным циклам.

Еще больше расхождений обнаруживается у критиков концепции «борьбы леса и степи» в вопросе о причинах изменений, определивших динамику указанного противостояния. При этом историки марксистского толка на первое место ставят внутренние факторы экономического и политического характера, а внешние столкновения трактуют как вторичные и производные. В свою очередь, историки-евразийцы видят причины исторической динамики в смене той или иной фазы расширительно понимаемого природно-исторического и культурного цикла. И в этом смысле никакой самостоятельной «борьбы леса и степи» как причины исторических изменений, происходящих на просторах Евразии, не существует.

Таким образом, безусловной истинностью в концепции С.М. Соловьева для всех ее критиков обладает только исходный тезис о двух географических зонах как условия возникновения двух культурно-хозяйственных укладов. Что же касается известной сегодня исторической судьбы сохранившихся носителей этих укладов, то они, пройдя через череду сложных и противоречивых взаимоотношений, тем не менее смогли создать общую цивилизацию.

Вместе с тем, если следовать восходящей логике исторического прогресса, идею которого С.М. Соловьев пытался соединить с органицистской теорией

³¹ См.: Волков Ю.К. Диахронические и синхронические модели социальных изменений и проблема периодизации истории // *Философия и методология истории: сб. науч. ст. VIII Всерос. науч. конф. / отв. ред. С.Г. Калашников. Коломна: ГСГУ, 2019. С. 20–21 [22].*

«двух возрастов»³², то окажется, что борьба «леса» и «степи» как самобытная форма противостояния культур восточного и западного типов должна была завершиться их синтезом в масштабе всемирной истории. Однако реальные события, происходящие в последние десятилетия эпохи нового времени, демонстрировали иную историческую перспективу для человечества – грядущее глобальное столкновение восточного и западного миров. Перспективу, которую, судя по воспоминаниям сына философа, в конце жизни уже предчувствовал историк Сергей Соловьёв³³ и о которой публично предупреждал на исходе своего земного бытия философ Владимир Соловьёв³⁴.

Список литературы

1. Волкова И.В. «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьёва (из истории общественной мысли середины XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 199 с.
2. Гуммерт Н.В. Государство и внешняя политика, Россия и Германия в воззрениях С.М. Соловьёва и Ф. Ратцеля: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 27 с.
3. Зейнетдинова Л.Н. Начальный период научной деятельности С.М. Соловьёва (40–50-е гг. XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 27 с.
4. Кучурин В.В. Начало формирования научно-педагогических взглядов С.М. Соловьёва // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3(37). С. 96–101.
5. Соловьёва М.А. С.М. Соловьёв как историк русской исторической мысли: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1984. 206 с.
6. Сунцова Е.А., Правкин С.А. Концепция народного государства и примиряющего права С.М. Соловьёва // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 14–19.
7. Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999. 380 с.
8. Малинов А.В. Философия и методология истории в России. СПб.: Интерсоцис, 2015. 380 с.
9. Максимова Л.М., Максимов М.В. Сергей Михайлович и Владимир Сергеевич Соловьёвы (К вопросу об идейных истоках историософии Вл. Соловьёва) // Соловьёвские исследования. 2003. Вып. 1(6) С. 115–126.
10. Волков Ю.К. Философия истории в современной России: основные этапы, представители и направления // Философия и методология истории: сб. науч. ст. IV Всероссийской науч. конф. / отв. ред. С.Г. Калашников. Коломна: МГОСГИ, 2011. С. 34–42.
11. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. / отв. ред. и авт. вступ. статьи д-р ист. наук Л.В. Черепнин. Кн. I. Т. 1–2. М.: Соцэкгиз, 1962. 812 с.
12. Против исторической концепции М.Н. Покровского: сб. ст. / ред. Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1939. 518 с.

³² Речь идет о теории, согласно которой в жизни каждого народа существуют периоды «юности» и «зрелости». Эту теорию Соловьёв разделял в период своего увлечения идеями национальной самобытности русского народа. Однако, как считает автор книги о С.М. Соловьёве Н.И. Цимбаев, подобные убеждения, возможно навеянные рассказами о страданиях русских людей в степной неволе, историк сохранил на всю жизнь (см.: Цимбаев Н.И. Сергей Соловьёв. М.: Мол. Гвардия, 1990. С. 71 [23]).

³³ См.: Цимбаев Н.И. Сергей Соловьёв. С. 362.

³⁴ См.: Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. 2-е изд. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыга, А.Ф. Лосев; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1990. С. 642 [24].

13. Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. / отв. ред. А. Сидоров. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1940. 500 с.
14. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партиздат, 1933. 544 с.
15. Соломаха Е.Н. Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006. 31 с.
16. Рубинштейн Н.Л. С.М. Соловьев и русская историческая наука // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 57–71.
17. Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука, 1980. 192 с.
18. Савицкий П.Н. Избранное / вступ. ст. Е.Л. Петренко; коммент. М.И. Иванов, Т.В. Иванова, А.Л. Петренко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 776 с.
19. Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. 448 с.
20. Вернадский Г.В. Начертания русской истории. М.: Алгоритм, 2014. 336 с.
21. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Товарищество Калашников, Комаров и К^о, 1992. 512 с.
22. Волков Ю.К. Диахронические и синхронические модели социальных изменений и проблема периодизации истории // Философия и методология истории: сб. науч. ст. VIII Всерос. науч. конф. / отв. ред. С.Г. Калашников. Коломна: ГСГУ, 2019. С. 13–23.
23. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М.: Мол. Гвардия, 1990. 366 с.
24. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. 2-е изд. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыга, А.Ф. Лосев; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1990. С. 635–762.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Kuchurin, V.V. Nachalo formirovaniya nauchno-pedagogicheskikh vzglyadov S.M. Solov'eva [The beginning of the formation of scientific and pedagogical views of S.M. Solovyov], in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 3(37), pp. 96–101.
2. Maksimova, L.M., Maksimov, M.V. Sergey Mikhailovich i Vladimir Sergeevich Solov'evy (K voprosu ob ideynykh istokakh istoriosofii V. Solov'eva) [Sergey Mikhailovich and Vladimir Sergeevich Solovyov (On the question of the ideological origins of V. Solovyov's historiosophy)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2003, issue 1(6), pp. 115–126.
3. Rubinshteyn, N.L. S.M. Solov'ev i russkaya istoricheskaya nauka [S.M. Solovyov and Russian historical science], in *Voprosy istorii*, 1945, no. 3–4, pp. 57–71.
4. Suntsova, E.A., Pravkin, S.A. Kontseptsiya narodnogo gosudarstva i primiryayushchego prava S.M. Solov'eva [The conception of the people's state and conciliatory law by S.M. Solovyov], in *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2018, no. 4, pp. 14–19.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Grekov, B., Yaroslavskiy, Em., Bushuev, S. *Protiv istoricheskoy kontseptsii M.N. Pokrovskogo: sbornik statey* [Against the anti-historical concept of M.N. Pokrovsky. Collected of the articles]. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1939. 518 p.
6. Savitskiy, P.N. *Izbrannoe* [Favourites]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 2010. 776 p.
7. Sidorov, A. *Protiv antimarksistskoy kontseptsii M.N. Pokrovskogo: sbornik statey* [Against the anti-marxist concept of M.N. Pokrovsky. Collected of the articles]. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1940. 500 p.
8. Solov'ev, S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen v 15 kn., kn. 1, t. 1–2* [History of Russia since ancient times in 15 books, book 1, vol. 1–2]. Moscow: Sotsekgiz, 1962. 812 p.

9. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i vseмирnoy istorii [Three conversations about war, progress, and world history], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vol.]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 635–762.

10. Volkov, Yu.K. Filosofiya istorii v sovremennoy Rossii: osnovnye etapy, predstaviteli i napravleniya [Philosophy of history in modern Russia: main stages, representatives and directions], in *Filosofiya i metodologiya istorii: sbornik nauchnykh statey IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Philosophy and methodology of history: collection of scientific articles of the scientific conference]. Kolomna: MGOSGI, 2011, pp. 34–42.

11. Volkov, Yu.K. Diakhronicheskie i sinkhronicheskie modeli sotsial'nykh izmeneniy i problema periodizatsii istorii [Diachronic and synchronic models of social change and the problem of periodization of history], in *Filosofiya i metodologiya istorii: sbornik nauchnykh statey IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Philosophy and methodology of history: collection of scientific articles of the scientific conference]. Kolomna: GSGU, 2019, pp. 13–23.

(Monographs)

12. Gumilev, L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'* [Ancient Russia and the Great steppe]. Moscow: Tovarishestvo Kalashnikov, Komarov i K°, 1992. 512 p.

13. Illeritskiy, V.E. *Sergey Mikhailovich Solov'ev* [Sergey Mikhailovich Solovyov]. Moscow: Nauka, 1980. 192 p.

14. Malinov, A.V. *Filosofiya i metodologiya istorii v Rossii* [Philosophy and methodology of history in Russia]. Saint-Petersburg: Intersotsis, 2015. 380 p.

15. Pokrovskiy, M.N. *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke* [Russian history in the briefest outline]. Moscow: Partizdat, 1933. 544 p.

16. Semenov, Yu.I. *Filosofiya istorii ot istokov do nashikh dnei: Osnovnye problemy i kontseptsii* [Philosophy of history from its origins to the present day: Main problems and conceptions]. Moscow: Staryy sad, 1999. 380 p.

17. Tsimbaev, N.I. *Sergey Solov'ev* [Sergey Solovyov]. Moscow: Molodaya Gvardiya. 1990. 366 p.

18. Vernadskiy, G.V. *Russkaya istoriografiya* [Russian historiography]. Moscow: Agraf, 1998. 448 p.

19. Vernadskiy, G.V. *Nachertaniya russkoy istorii* [Outlines of Russian history]. Moscow: Algoritm, 2014. 336 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

20. Volkova, I.V. «Novyy period» istorii Rossii v trudakh S.M. Solov'eva (iz istorii obshchestvennoy mysli serediny XIX v.). Diss. ... kand. ist. nauk [«New period» of Russian history in the works of S. M. Solovyov (from the history of public thought in the mid-19th century). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1984. 199 p.

21. Gummert, N.V. *Gosudarstvo i vneshnyaya politika. Rossiya i Germaniya v vozzreniyakh S.M. Solov'eva i F. Rattseya*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [State and foreign policy, Russia and Germany in the views of S. M. Solovyov and F. Ratzel. Cand. hist. sci. diss. Abstract]. Irkutsk, 2004. 27 p.

22. Zeynetdinova, L.N. *Nachal'nyy period nauchnoy deyatel'nosti S.M. Solov'eva (40–50-e gg. XIX veka)*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [The initial period of scientific activity of S. M. Solovyov (40–50s of the XIX century). Cand. hist. sci. diss. Abstract]. Moscow, 2006. 27 p.

23. Solov'eva, M.A. *S.M. Solov'ev kak istorik russkoy istoricheskoy mysli*. Diss. ... kand. ist. nauk [S.M. Solovyov as a historian of Russian historical thought. Cand. hist. sci. diss.]. Yaroslavl, 1984. 206 p.

24. Solomakha, E.N. *Trud N.L. Rubinshteyna «Russkaya istoriografiya»: ego sodержaniye i otsenka v otechestvennoy istoricheskoy literature*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [N.L. Rubinstein's work “Russian historiography”: its content and evaluation in Russian historical literature. Cand. hist. sci. diss. Abstract]. Nizhniy Novgorod, 2006. 31 p.